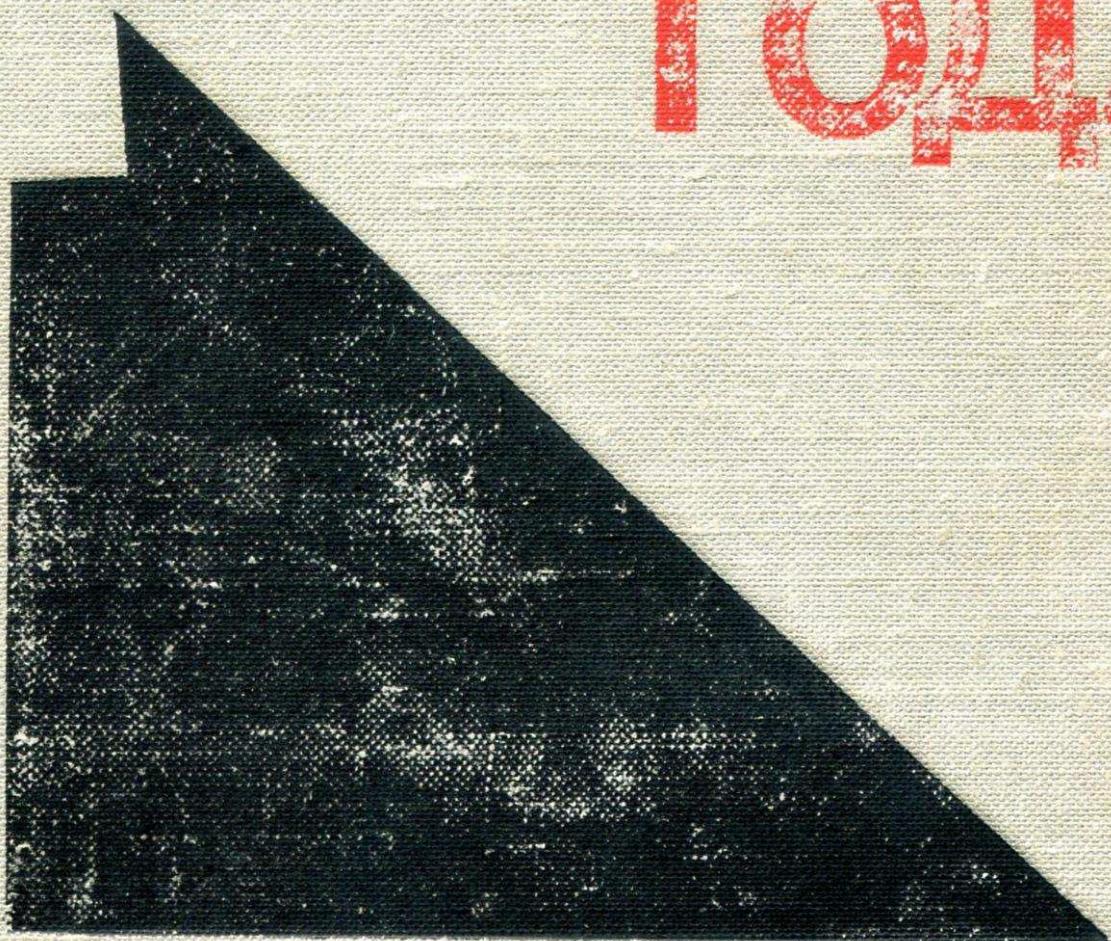

9С)27
Т149

БОРИС ПОЛЯКОВ

ЭТИ
ЧЕТЫРЕ
ГОДА

тое лицо, открытое, сосредоточенное, волевое. И вспоминается встреча, произшедшая вот здесь, совсем не далеко от этой дороги, месяц назад.

В ту пору битва на Орловско-Курской дуге вступала в свою решающую fazu. Измотав и обескровив пытавшиеся наступать немецкие дивизии, сломив их боевой дух, наша армия переходила в наступление. Недалеко отсюда свежие танковые части входили в прорыв, и авиация работала без устали, прикрывая над ними небо. Вот в эти-то дни по фронту и прогремела слава одного гвардейского авиационного полка, который сбил больше двух десятков вражеских самолетов. Сам же полк потерял в боях всего несколько машин. Сюда на связном самолете и прилетел я под вечер, чтобы собрать материал для корреспонденции.

Но летчикам в этот день было не до меня. Командир, слушавший по радио ход боя, отправил меня к замполиту. Замполит оказался сам в воздухе. Начальник штаба, совершенно охрипший, с красными, как у кролика, от бессонницы глазами, поначалу было огрызнулся, а потом, рассмотрев мои погоны, спохватился, произнес какие-то скомканные извинения и заявил:

— Вот вернется из боя Алеша Маресьев. Он только что второй самолет за сегодняшний день сбил. Ступайте к нему. Он на девятке. Сядет девятка, вы прямо на него и пикируйте.

Девятка села, подрулила к своему капониру на опушке леса, и я «спикировал» на молодого коренастого парня, что с какой-то особой медвежьей грацией выбрался из самолета. Он еле стоял на ногах. Еще было шесть боев, два сбитых противника. Говорить он отказался, сославшись на усталость, и, должно быть, для того, чтобы подсладить пиллюю, а может быть, просто по доброте душевной, улыбнувшись, вдруг предложил:

— У нас правило в полку хорошее. В дополнение к наркомовским ста граммам за каждый сбитый самолет добавлять еще по двести. У меня выйдет сегодня пол-литра. Многовато на одного. Пойдемте-ка мы с вами, майор, с устатку в столовку. На двоих как раз выйдет впору.

От такого предложения было отказатьсь. Мы пошли в военторговскую столовую, пообедали, выпили положенное, и мой новый знакомый, к которому

все время подходили разные люди поздравлять его с победой, предложил ночевать у него в землянке. Летчик, с которым он вместе жил, в этот день не вернулся на аэродром. Он был сбит. Койка его пустовала, и я согласился занять ее, ибо уже стемнело и улетать было поздно.

Мы долго проговорили, поедая из котелка лесную малину. Маресьев и его невернувшийся друг собрали ее утром. Перед отходом ко сну летчик, со вкусом умыаясь, долго крякал и фыркал. Я стал уже дремать и был разбужен странным звуком — что-то тяжелое увесисто ударялось о земляной пол. В землянке было темно, но луч луны падал в ходок, и мне показалось, что из-под нар, на которых лежал мой знакомый, торчат чьи-то ноги в офицерских начищенных сапогах. Я инстинктивно сунул руку под подушку. И вдруг послышался смех, да такой здоровый, веселый, раскатистый, что мне стало не по себе. Смеялся хозяин землянки.

— Это же протезы, мои протезы, — пояснил он.
— Что, что?

— Обыкновенные протезы, и больше ничего. У меня же нет ног...

Для убедительности он хлопнул рукой по одеялу.

Безногий летчик? И не просто летчик, а человек, сбивший в этот день два истребителя? Нет, этого не может быть! А между тем все было именно так. Сна как не бывало. Вскочив в трусах с постели, я схватил первую попавшуюся под руку бумагу. Летчик уселся на койке. И так мы просидели до утра — он рассказывал, а я записывал его необыкновенную и в то же время такую типичную для этих дней историю, историю, в которую трудно поверить, и тем не менее правдивую с начала и до конца.

Алексей Маресьев, тогда еще лейтенант, был сбит в воздушном бою, упал в болотистом районе Калининской области, в глубоком тылу противника, в вековом, девственном лесу. При падении у него были раздроблены обе ступни. Идти он не мог и в течение шестнадцати суток полз, потом даже катился на восток. Совершенно обессиленного, дошедшего до крайней степени истощения, его подобрали крестьяне сожженной деревушки Плав. Они связались с аэродро-

мом Раненого, у которого начиналась гангрена, вывезли на самолете в Москву, в Первый коммунистический госпиталь. Тут ему ампутировали ноги, и вот теперь путем долгих, поистине нечеловеческих тренировок он, безногий, научился летать, вернул себе искусство высшего пилотажа, сел на истребитель. Сейчас он командир звена и в день нашего знакомства сбил два самолета...

Черт знает что! Какие поистине богатырские, небывалые, ни с чем не сравнимые черты вызывает к жизни эта война в самых обыкновенных людях. Под утро пошел дождь. Крупные теплые капли его звучно били по разлапистым лопухам, и казалось, что там журчит без устали быстрый горный ручей. Я благословлял непогоду. Она сковала авиацию, и я смог целый день выспрашивать у Маресьева все подробности необыкновенного его подвига. Понимая, что это за материал, я записывал все с протокольной точностью, с названием мест, фамилий и адресов всех, кто имел отношение к этой истории.

А потом, отложив в сторону все другие дела, я единым духом, за сутки, написал в «Правду» очерк о подвиге безногого героя, а к очерку приложил проект передовой «Советский воин Алексей Маресьев».

Сейчас у нас входят в моду такие передовые, обобщающие на примере конкретных людей большие политические явления. Всякий раз, когда мне в руки попадала свежая газета, я с жадностью раскрывал ее. Но шли другие, менее значительные и менее интересные материалы. А этого не было. Почему?.. Только потом я понял, что тогда, после нового разгрома немецко-фашистских армий на Курской дуге, когда доктор Геббельс, стремясь смягчить удар этого нового страшного поражения, врет, что Советы воюют из последних сил, что в армию у нас призваны старики и дети, опубликовать эту необыкновенную историю значило дать гитлеровскому лейб-врачу новый материал: безногие на самолетах...

Вместо всего, что я написал в «Правду», был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении старшему лейтенанту Маресьеву Алексею Петровичу звания Героя Советского Союза. Мне же редактор Петр Николаевич Поспелов сказал третьего дня:

— Не огорчайтесь. Это не пропадет, кончится война, издадим целую книгу... Пишите... Это стоит книги.

Да, это стоит книги. Я везу с собой сейчас тетрадку, в которой недавно подробно записал все, что мне рассказал этот обыкновенный и удивительный парень с Волги. Может, выкроится время и для книги...

...Мимо машины бегут поля Орловщины, пустынные, красные от высушенного солнцем бурьяна. И этот обычный вид фронтовой дороги, израненные осколками телеграфные столбы с обрывками проводов, скрученные как штопор, ржавые остовы машин, торчащие из бурьяна то там, то тут воронки и минные выбоины — все это почему-то напоминает мне ту ночную беседу, потрясшую меня до глубины души. А образ летчика, которого я встретил однажды в жизни, так врос в память, что, кажется, и сейчас вот он сидит в нашей машине, и что стоит оглянуться, как увидишь его смуглое скуластое лицо, его бровь, густую и чуть рассеченную, его черные глаза, в которых прочно у gnездилась хитроватая усмешка....

А вот и Орел, многострадальный Орел, которому фашисты нанесли, отступая, столько тяжелых ран, но и он тоже уже оправляется. Двадцать пять дней назад мы с Петровичем приехали сюда на своей «пегашке», когда на западной окраине города еще шел бой и нас чуть не засыпало обломками здания, подорванного миной замедленного действия. Сейчас город уже в глубоком тылу. Толпы людей у радиорупоров, у расклеенных по заборам газет. На досках объявлений — афиши кино и концертного зала и маленькие рукописные объявления о том, что после двухлетнего перерыва начинают работать неполные средние и средние школы.

Девушки гуляют с ранеными бойцами под желтеющими тополями бульвара. Старичок садовник высовывает на клумбы астры. Освещенный косыми лучами заходящего солнца, в этот спокойный вечер ранней осени город кажется тихим.

Ночуем мы в деревне Котовке, невдалеке от Кром. Жителям этой деревни повезло. Наши танки стремительно ворвались в нее, и фашистские факельщики бежали, не успев поджечь домов. Деревня, одна из немногих на этом шоссе, осталась цела. Зато сейчас